

Историко-философский взгляд на проблему плюрализма в философии: опыт неоплатонической традиции

Любой разговор о плюрализме предполагает, что с самого начала у нас существует определенное понимание плюрализма как такового, и некое представление о том, как возможен плюрализм в том или ином предмете рассмотрения, в данном случае — в философии. Парадоксальность видится и в обращении к платонизму в данном контексте, ведь платоновская традиция утверждает монистическую модель мира. На первый взгляд, заявленная тема не имеет права на существование.

Исследователь сталкивается с первыми трудностями, когда ищет определение самому понятию плюрализма. Плюрализм стал расхожим термином в повседневной речи, но в качестве философского понятия он, быть может, еще недостаточно определен. Входя в поле философского языка, он должен приобрести общее для всех собственно философских понятий свойство — склонность к саморефлексии. В первом приближении, плюрализм есть просто допущение существования множества начал и причин в мире. Это плюрализм в объективном смысле.

Но сейчас, в наши дни, мы сталкиваемся с чем-то другим, с каким-то другим плюрализмом. По существу, когда в наше время говорят о «плюрализме в философии», то имеют в виду вовсе не обязательность онтологического допущения многих мировых принципов, а предполагают уже полную свободу интеллектуального самовыражения и констатируют такое состояние культуры, когда она уже не может существовать иначе, кроме как в пространстве множества философских мировоззрений. Притом, уже вовсе не спрашивают о возможной связи между определенной — именно, «плюралистической» — картиной мира и культурным требованием избыточной пестроты всех возможных учений и мнений.

Но как понять такое современное умонастроение? В чем его причина и исток? Конечно, не только возможно, но и необходимо существование

множества философий, но при этом поле различных мнений должно быть и чем-то ограничено — чтобы они могли сложиться в картину, чтобы это разнообразие было творчески продуктивно. Что же может стать таким ограничением? Естественно, оно должно происходить из внутренних черт предмета, ибо внешнее ограничение всегда чуждо, как правило, неподлинно, и может быть (должно быть) оспорено. Нам видится, что это ограничение происходит из того же, что является одновременно и фундаментом плюрализма, то есть из плюрализма самого мира.

Мы сначала должны спросить себя, насколько мы считаем плюрализм чем-то объективным, изначально присущим явлению или предмету, или же мы согласимся, что он субъективен и означает лишь многообразие взглядов и мнений о явлении. А возможно, что плюрализм присутствует по обе стороны — он и объективен, и субъективен. Действительно, как многообразность предмета аффицирует мышление, так и мышление, обладающее внутренней сложной структурой, способно по-иному увидеть предмет. В этом случае, когда возможно бесконечное число точек зрения на бесконечно разнообразное явление, что-то должно являться основой для того все-таки относительно упорядоченного мира, который мы считаем нашей вселенной, в противном случае — мир рухнет в хаос и бездну несвязицы.

Скажем сразу, что принимаем плюрализм как такое состояние мышления и мира, которое не означает взаимного отрицания различных идей и явлений, а наоборот, предполагает их гармоническое сосуществование. Похожее понимание плюрализма, как сосуществования равноправных и равнозначимых — но различных при этом — реальностей — мы находим в знаменитом «Саде расходящихся тропок» Борхеса. «Сад расходящихся тропок» — это недоконченный, но и не искаженный образ мира, каким его видел Цюй Пэн. В отличие от Ньютона и Шопенгауэра ваш предок не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности»* Здесь плюрализм выступает как принцип и основа многообразия и безграничности мира, мира, в котором возможно все, где выбор одного пути не означает ни неизбежного сужения коридора возможностей, ни отрицания других, не-выбранных вариантов. В повседневной жизни, выбирая что-то одно, мы -- как

* Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. Т.1. Рига: Полярис, 1994. С.328.

правило — неизбежно тем самым отказываемся от другого, например, принимая и утверждая нечто, мы отрицаем то, что ему не соответствует. С точки зрения плюралистического понимания мира, выбор становится актом исключительно позитивного волеизъявления, не отвергающего иных возможностей, положений, реальностей.

В отношении к философии вопрос о плюрализме является принципиальным. Философия своим предметом ставит изучение бытия, иначе — мира. Философ вопрошает мир — и самого себя — о том, что есть бытие, каково оно, что есть человек в мире... В ответах на эти вопросы (являющиеся, по сути, одним и тем же, по-разному сформулированным, вопросом о природе и смысле бытия) мир выражает себя. Эти вопросы и ответы на них и составляют философское учение. Но каждый философ задает вопросы по-своему. Таким образом, мир выражает себя в каждом философском учении, но каждый раз — иным способом, определенным индивидуальностью самого философа. Так предмет отразится пусть ненамного, но все же чуть иначе в зеркале, нежели в глади воды.

И здесь мы оказываемся перед проблемой отношения оригинала и копии. Делез в своей работе «Платон и симулякр» пишет: «Платон разделяет область изображений надвое: с одной стороны — истинные отображения: копии-эйконы; с другой стороны — призрачные подобию, симулякры-фантазмы*». Делез утверждает, что суть платоновского разделения в том, что сходство копии есть сходство сущностное, внутреннее, сходство же симулякра — всего лишь внешнее. Симулякр — лишь изображение, утратившее глубокое природное родство, подражающее несущественному и упускающему главное в оригинале.

Если рассматривать мир как оригинал, а философию — как отражение и выражение этого оригинала, вполне возможно, что рассуждение Делеза окажется применимым и здесь.

Само мироздание одновременно едино и множественно. Так, в едином мире есть множество сил и явлений. Все они объединены общим порядком мироздания, подчинены общим законам и принципам. Плюрализм мира укреплен на монистическом принципе, именно единство, как основа и закон, не позволяет гармонии плюрализма обратиться хаосом. И весь этот полифоничный, многогранный мир ищет отразиться во всей своей полноте. Таким образом, неизбежно отражающая его философия, если она является подобием, копией (то есть обладает сходством по сути), а не симулякром

* Делез Ж. Платон и симулякр. Новое литературное обозрение. 1993. №5, С. 48

(в том смысле, о котором говорит Делез в начале упомянутой работы, то есть повторяющим лишь формально, но не сущностно оригинал), также неизбежно станет полифоничной.

И здесь – отчасти подобные развилки, постоянно возникающие в тексте, обусловлены самим предметом изучения – мы должны решить, в чем мир наиболее полно и подлинно может выразить себя? Если мир и бытие есть оригинал, то философия, отражающая этот мир, должна быть его подобием, если она делает это – не искажая. Или же она становится симулякром – то есть лишь внешним подражанием, утратившим внутреннюю, сущностную связь с оригиналом. Этот симулякр не будет фальшивкой или ложью, но и истиной ему не стать. То есть философия может описать мир подробно, попытавшись создать некий слепок бытия. Но именно здесь возникает принципиальная проблема. Мир – бытие – это изменчивость и движение, ведь ни в одну реку нельзя войти дважды. Значит, и подлинным подобием мира слепок стать не может. Должен быть и другой способ выражения. Философия должна осуществить в себе процесс самораскрытия мира, и этот процесс, это движение мысли и будут являться действительным подобием мира. Возможно, мы получаем достаточное основание для того, чтобы назвать философию копией мира, но не симулякром, и тем самым отвергнуть учения, которые могут быть определены как симулякры? Нет, поскольку сам принцип плюрализма не стремится к отрицанию. И еще раз нет, поскольку мы в данном опираемся на термины, введенные Делезом, который осуществляет своего рода революцию в отношении прав симулякра. И революция эта, как нам кажется, становится возможной благодаря плюралистическому подходу. «...симулякр строится на дивергентных сериях, резонирующих друг с другом... Симулякр учреждает мир блуждающих дистрибуций и коронованных анархий»*.

Итак, любой способ отражения и выражения мира возможен и необходим. Одно философское учение не отрицает и не заменяет другое. Действительно, возникающие между идеями (явлениями) споры могут быть отрицающими, когда одна из идей полагаема – или полагает самое себя – как истинную, все остальные же – как ложь (или-или), и тогда мы не назовем эту ситуацию плюрализмом. Но возможен спор взаимодействующий – когда происходит обмен информацией, когда идеи взаимополагают, взаимоутверждают, не отрицая, друг друга. Этот спор напоминает нам диалоги Платона, а точнее, излюбленный

* Там же, С.53.

метод Сократа — майевтику. (Делез: «Платонизм — это философская «Одиссея»: платоновская диалектика — не диалектика противоречия, не диалектика противоположности, но диалектика соперничества, диалектика соперников или претендентов»*) Действительно, Сократ не говорит, что знает истину. Он изыскивает ее, не утверждая, что найденная истина абсолютна и непреложна. Главная его цель — отыскание направления — направления беседы, рассуждения, мышления, самой жизни. Он создает разногласие — плюрализм — и уже в этом богатстве мнений, мыслей и направлений отыскивает то, что может привести к истине.

Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее завершенное проявление плюралистического метода в неоплатонизме — философскую систему Прокла. Собственно говоря, поскольку Прокл и завершает саму неоплатоническую традицию, завершает даже не хронологически, но по сути, оформляя и развивая платоновские идеи в законченную и стройную философскую систему, вполне логично, что в этой системе мы обнаружим и свойственный Платону плюралистический подход в его высшем выражении.

Прокл, как и всякий неоплатоник, понимал философское учение Платона как боговдохновенное. Мир открылся Платону, и философия Платона есть своего рода запись того, как мир раскрывал себя. Именно поэтому мы не видим системы у Платона, которая была бы попыткой сделать слепок, но видим собственно процесс самораскрытия мира в мышлении. Если понимать истину не как соответствие вещи и явления, а как саму вещь, то в истинной философии мир являет самое себя. Отсюда и теологичность философии, поскольку в ней боги открывают себя и творимый ими мир. Именно поэтому вера у Прокла оказывается сущностно более важной, чем познавательные способности, ведь с помощью веры можно подняться к созерцанию божественного, а знание изучает лишь слепки, оставленные следы. (Не можем не отметить особенность подхода Прокла. Вера и знание не исключают друг друга, более того, они с необходимостью друг друга предполагают. В рамках высшего, абсолютного единства существует иерархия. Различение веры и знания производится внутри единства и соположенности, что обуславливает органическую связь обеих ступеней, их динамическую сопряженность. Можно сказать, что знание и вера не разделены соперничеством, но связаны внутренним движением, развертыванием и восхождением одного в другое — знания в

* Там же, С.46.

веру. Полагаем, это с уверенностью может быть названо плюралистическим пониманием проблемы соотношения знания и веры.)

Прокл, как мы полагаем, в первую очередь для самого себя (а для кого еще философ задает вопросы и ищет ответы?) поставил цель выразить и прояснить платоновское учение, иначе говоря, обнаружить мир. Прокл отчасти использовал при этом метод самого Платона, а именно, упомянутую выше сократическую майевтику. Этот методологический принцип стал основой диалектического метода Прокла. Диалог между персонажами платоновских текстов трансформировался во внутреннюю диалектику монологического мышления, диалектику исследования у Прокла. Развернутый, открытый космос античности (складывающийся из пестроты различных культур, традиций, идей) закрылся, он вновь обратился на самое себя, но на сей раз как на некое единство, порождающее в себе многое и возвращающее эти множества в себя своей волей.

Прокл в своей философии дает универсальную формулу всей культуры, объединяя множество традиций (философских, мифологических, религиозных), переплавляя их в своей мысли и в итоге отливая их в новую форму. Это многоголосие Прокла оказалось возможно только на базе платонизма, поскольку именно платонизм явился основой для возникновения учения о Едином. То есть, рассматривая в рамках заявленной темы концепцию Прокла, мы опять-таки наблюдаем плюрализм как во внешнем плане — это в первую очередь ряд традиций, «прожитых» Проклом, переработанных им в процессе осмысления Единого, так и внутренний плюрализм, выражающийся, в частности, в уникальной иерархической структуре множества богов вселенной Прокла.

Как мы сказали, система философии Прокла вмещает в себя все пространство культуры, для чего обосновывающим принципом является идея монизма. Платонизм, а в еще большей степени неоплатонизм, — это исторический и интеллектуальный апофеоз монизма. Единое у Прокла разворачивается в систему богов, каждый из которых имеет свою функцию, свою роль. Система Прокла — это ясные и непреложные вертикальные и горизонтальные связи, уровни сущего, разворачивающиеся один из другого и все они — из Единого возникающие и к нему восходящие. Собственно говоря, хотя Прокл не говорит об этом прямо, но это очевидно вытекает из его учения — движение сущего в мире происходит одновременно в двух направлениях, мир происходит — разворачивается из Единого, и в то же время восходит — возвращается — к Единому. Единое проявляется на каждом уровне сущего в соответствии с законами этого

уровня. Вертикальные иерархические связи основаны на подчинении по рождению, горизонтальные — на подчинении по сходству (возможно, здесь примиряются окончательно копия и симулякр, одна как обладающая сходством по сути, другой как хранящий сходство формы). Уровни сущего едины каждый в самом себе, связаны с предыдущим и последующим уровнями, подобны им и отличны от них. Таким образом, мир в одно и то же время бесконечно разнообразен и связан внутренним единством.

Далее, Прокл дает универсальную классификацию богов. В его философии завершается традиция греческого многобожия, понимавшая общество богов, как отдельных личностных структур, раздираемых враждой и соперничеством, претерпевающих страсти, свойственные человеческой душе. У Прокла это преодолено, и выражено следующим образом — каждый бог имеет свое проявление в человеческом уровне, свою сферу. Он связан с проявлением некой человеческой сущности, способности. Прокл выстраивает иную, новую, иерархию богов, возводя их к Единому и выводя их из Единого. Такая последовательность монистического подхода и дает неоплатонистический плюрализм. В этой иерархии разные степени и разные способы проявления какого-либо бога на различных уровнях — порядках — сущего Прокл обозначает, вводя числа — например, Зевс I, II, III, и т.д. Прокл называет это ипостасями Зевса в его выходе за свои пределы. Мы видим в этом не что иное, как еще одно выражение плюралистического метода у Прокла.

Итак, в философской системе Прокла мы видим, как на основе монистического принципа реализуется плюралистическая концепция. Полагаем, очевидно то, что монизм есть принцип любого порядка. Плюрализм есть упорядоченное множество на основе Единого. Отрицание же монизма приводит к разгулу и тирании, к хаосу, поскольку это означает отрицание основы, принципа, порядка, отрицание свободы. Отрицание плюрализма лишит мир даже возможности внутреннего движения, сведет его к однообразию и статике. Монизм как основа и принцип, и плюрализм как принцип и метод вместе дают структуру, гибкую, динамичную, живую, в которой иерархически располагается все сущее — каждое на своем месте, и каждое обладает свободой движения и познания.